

ВОПРОСЫ ЖАНРА И ПОЭТИКИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.09

Жанровые особенности чешской межвоенной (анти)утопической литературы

Анна Вячеславовна Амелина

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Ключевые слова: утопия, антиутопия, чешская межвоенная
литература, жанр

Genre features of Czech interwar (anti)utopian literature

Anna V. Amelina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Keywords: utopia, anti-utopia, Czech interwar literature, genre

В Чехии в межвоенный период наблюдается, как и во многих других литературах, «волна утопичности» (термин А.М. Пиши) — было создано более трех десятков утопических и антиутопических произведений, причем как признанными писателями, так и авторами массовой литературы. Почти все попытки создания положительных утопий в это время принадлежат беллетристам второго и третьего ряда, художественный уровень этих произведений не очень высок, и, по-

жалуй, в их отношении можно даже говорить о народной утопии.

Реализация жанров утопии и антиутопии в межвоенный период от произведения к произведению очень разнится, поскольку канон антиутопии, по сути, только начал формироваться, а утопия, вплетенная в другие современные литературные жанры, порой даже трудно распознается и в чистом виде почти не встречается. Многообразие форм и метаморфозы (анти)утопических построений при этом настолько значительны, что изучение данного феномена требует серьезно-го теоретического осмысления.

Исследование утопии как части чешского литературного процесса проводится и в Чехии, и в России, опубликованы и обзорные работы, и труды по главным авторам, в первую очередь, по К. Чапеку. Важными для нас являются статьи¹ Я. Махека, где дается широкая картина чешской межвоенной утопии и антиутопии, включая произведения и массовой литературы.

Главная проблема исследования утопии и антиутопии состоит в том, что литературоведение их рассматривает лишь в рамках художественной литературы, выдвигая для этого явления такие понятия, как метажанр (Н.Л. Лейдерман, А.Е. Ануфриев) или третичный жанр (О.А. Павлова), т.е. утопия понимается как некая наджанровая структура, способная воплощаться в самых разных литературных жанрах — рассказе, романе, драме. При этом характеристика утопии как такого наджанрового образования не дается, утверждается лишь его наличие. С другой стороны, тот факт, что утопия существует и за пределами художественной литературы, исследователями как будто не считается важным, между тем эта категория является в первую очередь феноменом социально-философским.

Это привело нас к философскому осмыслению утопии, которое, на наш взгляд, достигло значительных успехов и может решить проблему. Прежде всего, речь идет о работах Е.Л. Чертковой, В.Д. Бакулова, С.С. Сизова, С.А. Шишулькина. В частности, Черткова обстоятельно разбирает черты утопического сознания², в его основе — трансцендентный

идеал, утопия противопоставлена истории и не является следствием эволюции в историческом процессе, утопист отказывается принимать мир каков он есть и создает мир иной, причем новое общество выступает как альтернатива настоящему, а не как результат эволюции последнего, рациональность человека и научное знание становятся оплотом идеального общества и человеческого счастья. Еще одна важная особенность утопического сознания, выделяемая Э.Я. Баталовым, состоит в его «факторности» — в реальной действительности утопист видит только отрицательные ее стороны, а в идеальном обществе присутствуют только положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии³.

Именно эти черты в совокупности мы считаем вправе искать в произведениях, если их утопический характер кажется очевидным, но при этом художественная система не содержит традиционных жанровых знаков утопии. Анти-утопия же, в отличие от утопии, не существует за пределами искусства и выступает исключительно как жанр. Пародируя литературную утопию как жанр и отрицая саму возможность социального идеала, она тем самым модифицирует ее жанровые константы и вбирает в себя все те же свойства утопического сознания, подвергая их критике.

Положительная утопия в своем чистом, классическом виде встречается в рассматриваемый период лишь однажды — это «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» (*Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelom planety Martu*) Й. Мичана, изданный в 1918 г. и построенный как диалог чеха с марсианином, тоже некогда чехом с Земли, одним из тех, кому на Марсе удалось создать идеальное чешское общество. С точки зрения современного литературного процесса это произведение является очевидным жанровым анахронизмом, восходящим к платоновским диалогам.

Другой вариант появления утопии в чешской литературе межвоенного периода — в виде вставного элемента, принципиально не влияющего на общую жанровую картину произведения. Как правило, некая утопическая концепция

в таком случае является эпизодом романа. В качестве одного из примеров можно привести «Падение человечества» (*Zkáza lidství*, 1928) Й. Аканы. Утопический проект перехода людей в нематериальную субстанцию, взятый здесь изолированно, вполне отвечает критериям утопического сознания, однако, будучи погруженным в романную действительность автора, он не смог реализоваться.

Третий вариант положительной утопии мы наблюдаем, к удивлению, в рамках жанра путевых очерков убежденных коммунистов, отражающих идеальный, по их мнению, мир Советской России. Свое утопическое видение, обусловленное левыми взглядами, они переносили в очерки, где наблюдаются не просто черты утопического сознания, но и некоторые жанровые знаки утопии — например, в книге «День после революции» (*Den po revoluci*, 1925) М. Майеровой.

Антиутопия в свою очередь также принимает самые разные формы. В этот период наблюдается отмеченная Н.Л. Лейдарманом «диссоциация жанровой структуры: распад жанра на фрагменты, осколки, “фантики”»⁴, и антиутопия может быть лишь одной из составляющих романа, демонстрирующего жанровый синкретизм сказки, приключений, детектива, любовного романа и т.д., как например, в «Доме в тысячу этажей» (1929) Я. Вайсса.

Антиутопия также может сосуществовать с положительной утопией в рамках одного произведения. Так, например, в романе «Красное головокружение» (*Rudá závrat'*, 1921) А.М. Тихого после социалистической немецкой антиутопии в результате масштабной войны строится утопия славянская, охватившая территорию от Шумавы до Тихого океана.

Помимо романа антиутопия появляется в рассказах и поэзии, например, в творчестве И. Гауссманна («Дикие рассказы» (*Divoké povídky*, 1922), стихотворения «Аве!» (*Ave!*, 1918), «Декрет» (*Dekret*, 1921) и др.), где в чрезвычайно сжатой и емкой сатирической форме автору удается высмеять разного рода утопические проекты.

Еще одной общей чертой многих антиутопий этого времени является важная роль в сюжете и замысле масштаб-

ных вооруженных конфликтов (война, революция) с многочисленными жертвами и описанием кровопролития — как, например, в романах «Война с саламандрами» (1936) К. Чапека, «Фабричное производство добродетели» (*Velková-roba ctnosti*, 1922) И. Гауссаманна, «Властелин мира» (*Pán světa*, 1925) Э. Вахека, «Красное головокружение» (1921) А.М. Тихого и др.

Важной особенностью чешских утопий является то, что стержнем их конструкций выступает проблема существования, выживания и организации чехов как нации, такое преобладание национального элемента над социальным характерно и для славянских утопий в целом, что отмечено польским исследователем М. Бобровницкой⁵. Именно для чехов писатели рисуют идеальное общественное устройство или, наоборот, проецируют в будущее свои страхи за чешскую государственность, связанные часто, прежде всего, с ненавистными немцами (в подобной роли, впрочем, могут выступать также евреи, реже венгры и поляки⁶).

Примечания

- ¹ *Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / Ed. Taranenková I., Jareš M. Bratislava, 2012. S. 64–89; Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”. Představy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. 2012. Roč. 6. N 2. S. 84–100.*
- ² *Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.*
- ³ *Баталов Э.Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М., 1989. С. 21–22.*
- ⁴ *Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2013. С. 634.*
- ⁵ *См.: Vobrownicka M. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii) // Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. Katowice, 1997. T. 2: Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim / Czapik-Lityńska B. (red.). S. 9–17.*
- ⁶ *Об этом см.: Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”.*